

К 85-летию ИГОРЯ ИВАНОВИЧА ШЕВЧЕНКО

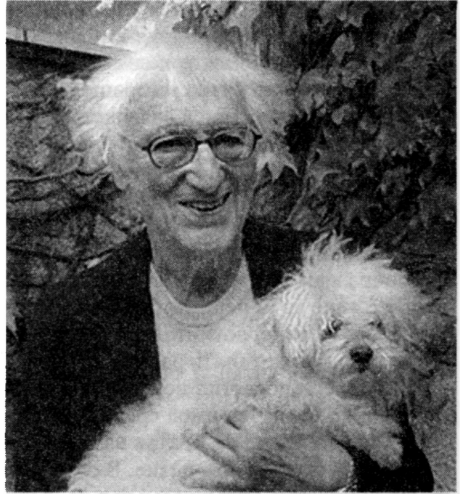
10 февраля 2007 года исполнилось 85 лет выдающемуся ученому, крупнейшему организатору науки и обаятельному человеку Игорю Ивановичу Шевченко. Развитие мировой византистики и славистики более полувека неразрывно связано с его именем. Под кратким обозначением «Игорь» его знают всюду в университетских и академических кругах Старого и Нового Света. Шутка провидения состояла в том, что будучи тезкой киевского князя – врага Византии, – он стал верным ценителем и глубоким исследователем ее культурного наследия.

Символично и место его рождения: в украинско-польском пограничье с характерным для этого региона той поры трехязычием (украинский, польский и русский звучат для Игоря с детства одинаково как родная речь). Курс гимназического образования он завершил в Варшаве, где овладел основами греческого и латыни. Обретением же высокого профессионального искусства (глубокими познаниями в филологии и истории и навыками свободного общения на трех главных языках Запада, помимо новогреческого) юбилар обязан крупнейшим научным и учебным центрам Праги, Лувена и Брюсселя. Искушенный в античной, византийской (светской и духовной) и славянской литературе (включая старославянскую и средневековую украинскую и русскую) Игорь Иванович с 1949 г. обосновался в США как уже сформировавшийся ученый.

С полным правом считая себя в духовном отношении «космополитом» в исконном, добром смысле этого определения, по своему образованию и мировосприятию, он был и остался, однако, одним из наиболее ярких представителей блестящих, энциклопедически образованных европейцев старшего поколения, свято берегущих лучшие научные и культурные традиции XIX столетия и сторицей воздавших сыновний долг за тот «кубок муз», о котором когда-то грезил Константин Багрянородный и который вручила юбиляру его европейская alma mater.

Непрерывно расширяя горизонты своих научных исследований, Игорь Иванович стал быстро известен в науке не только достижениями в области литературоведения и истории, но также блестящими изысканиями в сфере эпиграфики, палеографии и кодикологии. Своему мастерскому владению этими дисциплинами, доскональному знанию рукописной традиции и искусству точного прочтения манускриптов он обязан открытием в Мадридской рукописи Скилицы неизвестных поэм на смерть Льва VI и Константина VII и установлением имен живописцев, иллюминировавших знаменитый «Менологий Василия II». Глубоким проникновением в интеллектуальную жизнь византийского общества отмечены труды Игоря Ивановича о состоянии культуры империи в IX–X вв., о творчестве Продолжателя Феофана и Константина Багрянородного и об их месте в судьбах византийской словесности.

Однако главные труды Игоря Ивановича византиниста посвящены изучению духовной жизни Византии в позднепалеологовский период, в особенности в XIV в., когда сознание византийцев уже было пронизано острым предчувствием неизбежности грядущей катастрофы. Тонкому и всестороннему анализу ученого подверглись творчество и личная жизнь крупнейших писателей и мыслителей империи той эпохи (Феодора Метохита, Никифора Хумна, Але-

кся Макремволита, Никифора Влеммида, Никифора Григоры и др.). Даже отдельные явления и краткие эпизоды ученый исследует в неразрывной связи со всеобщим культурным и историческим контекстом эпохи. Благодаря скрупулезному анализу деталей и точному воспроизведению широкой панорамы действительности, современной изучаемым авторам, юбиляр не только вскрывает особенности и общественное значение их творчества, но и воссоздает их духовный облик и черты их характера.

Византийская литература и старославянская книжность как двуединое исследовательское пространство являются в полном смысле его собственным «научным подворьем» (метафора принадлежит юбиляру). Именно благодаря этому он сумел обозреть и с «византийской колокольни», и с римских холмов научные дали, связанные с Кирилло-Мефодиевской проблематикой, и предложить свое решение нескольких важнейших вопросов жизни и творчества солунских просветителей славянства.

В одной из своих ранних публикаций (1956) Игорь Иванович реконструировал греческий текст определения философии, данного Константином-Кириллом в гл. 4 Пространного жития и установил его источники: толкование Давида из «Исагогии» Порфирия и фрагмент из диалога Платона «Теэтет». Здесь же он оспорил тезис Фр. Гривца о аскетическом духе и «относительной оригинальности» этого определения, утверждая, что автор следовал стандартным образцам византийской высшей образованности. Позднее Шевченко открыл греческое соответствие двум первым строкам надписи на чаше Соломона, упоминаемой в гл. 13 Пространного жития первоучителя, в византийской рукописи XI в. (1966) и предположил, что весь этот эпизод может быть ранней интерполяцией конца IX в. Специальную публикацию (1971) исследователь посвятил вопросу социальной среды и происхождения первоучителей: по его мнению, их отец Лев имел средний ранг в византийской военной аристократии, из чего следовало, что солунские братья на несколько уровней превысили свое окружение в интеллектуальном и социальном плане. В соавторстве с С. Манго Шевченко (1973) локализовал монастырь Полихрон, упоминаемый в гл. 4 жития Мефодия, не на малоазийском Олимпе, а в средоточии обитателей на южном берегу Мраморного моря.

В одной из своих новых статей (1998) он изложил гипотезу, согласно которой автор Пространного жития Константина-Кирилла связан скорее с Римом, чем с Константинополем или Моравией. В основе аргументации лежит наблюдение, что слово «вивлотикарь», обозначающее должность первоучителя в Константинополе, известно только в данном славянском тексте, но часто употребляется в современной ему латинской практике. Отсюда следует предположение, что автора первого славянского жития или его информаторов нужно искать среди римских греков того времени. Юбиляру принадлежит один из блестящих анализов моравской миссии, сформулированный в форме трех ее парадоксов (1964): о неуспехе миссии, как таковой, и ее блестящих последствиях в Болгарии и на Руси, о ее трансформации из инструмента интересов Византийской империи в дело служения народу, в среде которого работали первоучители, и о беспрецедентном расцвете славянской литературы в самом начале ее существования. С позиции византиниста Шевченко дал исключительно высокую оценку болгарской книжности IX–X вв., поставив ее на уровень достижений современной ей византийской культуры. В развитие этой темы исследователь уделил большое внимание культурному влиянию Византии на южных и восточных славян. Его перу принадлежит исследование славянского перевода «Поучения» Агапита (1978), который по его мнению был выполнен во времена царя Симеона и является первым славянским переводом светского текста. Одним из первых Игорь Иванович занялся древнейшими славянскими рукописями Синая, обнаруженными там в 1975 г. Большое место в научных разысканиях юбиляра традиционно занимают вопросы украинской культуры XVI–XVII вв., связанные с ее положением между Востоком и Западом Европы. В последние годы Шевченко неоднократно обращался к биографии и творческому наследию (преимущественно греческому) прп. Максима Грека, интересующего его как уникальный в своем роде пример связующего звена между Византией, ренессансной Европой, поствизантийскими Балканами и восточнославянской культурой.

Яркая особенность исследовательского метода Игоря Ивановича – стремление к непременному физическому, зрительному контакту с рукописью изучаемого им письменного памятника, независимо от того, где он находится, когда и как был издан и издан ли вообще. Таков же его метод и при обращении к надписям и к интересующим его шедеврам византийского искусства. До самого последнего времени Игорь Иванович оставался и остается неутомимым путешественником, посетившим в качестве прилежного читателя и эрудированного эксперта почти все крупнейшие древлехранилища мира и важнейшие раскопы ар-

хеологов. Подобно проникательному криминалисту, он не перестает своими собственными научными открытиями убеждать коллег в том, что информация изучаемого памятника поистине неисчерпаема.

Бессменный в течение 10 лет проедр «византийского» международного синклита, непревзойденный по своей добродетельной энергии наставник и орфанотроф для своих очных и заочных учеников, их строгий остиарий у «Златых врат» на пути к «Океану» знаний, Игорь Иванович нискал любовь и уважение коллег, представляющих все поколения византинистов и славистов мирового научного сообщества¹.

Приветствуя и поздравляя нашего дорогого коллегу в эти памятные для него дни, мы рады сознавать, что природа наградила его не только выдающимися талантами, но и крепким здоровьем, что его творческий потенциал неисчерпаем, что он, как и прежде, полон идей, новых планов, обаяния и неизменного чувства юмора.

Πολλά ἔτη – Многая лета, Игорь Иванович!

СПИСОК РАБОТ И. ШЕВЧЕНКО ЗА 2003–2006 гг.

Alexandr Kazhdan // Мир Александра Каждана. К 80-летию со дня рождения. СПб., 2003. Gleaning 6. Oleško Palkin's Colophon in RNB. Pogod. 989. Textological Concerns and Erudition of a Late Fifteenth-Century Moscovite Bookman // Palaeoslavica. XI.

Gleaning 7. О западных путях образования церковнославянских понятий «мощи» и «причащение» // ВВ. 2007. Т. 66.

Г. Литаврин, А. Турилов

ХІІ СЕССИЯ КОПТСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ЛИОН, 19–21 мая 2005 г.)

В Лионе 19–21 мая 2005 г. состоялась XII сессия (journées) коптских исследований, организованная Ассоциацией франкоязычных коптологов (Association francophone de coptologie). Подобные конференции проводятся один раз в два года во Франции или в тех европейских городах, где существуют франкоязычные научные институты. Заседания конференции проходили в Maison de l'Orient et de la Méditerranée Университета Лион-2. XII Сессия коптских исследований получилась достаточно представительной: помимо ученых из Франции в ней приняли участие исследователи из Австралии, Бельгии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов и России. В рамках конференции прошла фотовыставка двух христианских мест Египта: Садра на Синае и Бауита в Среднем Египте. Рабочим языком Сессии, естественно, был французский.

Тематика докладов была разнообразной и в целом отражала все основные направления коптологии, но были и свои особенности. Достаточно много внимания уделялось различным презентациям (введение в оборот новых документов, баз данных, сообщениям о современных археологических раскопках и т.д.), а вопросы изучения коптской литературы или церковной истории оказались сравнительно мало затронутыми. Несколько докладов касались исследований гностических и манихейских источников. Ж. Монсеррат (Барселона) посвятил свое выступление термину *manijoge* (пути перехода) в корпусе коптских манихейских текстов, С. Казеле (Лаваль, Лион) – мотиву сна Адама в двух трактатах из Наг-Хаммади, а Б. Гирт в своем докладе предложила использовать некоторые части текста Евангелия Филиппа для реконструкции 98-й логики Евангелия Фомы. А. Тен Кате (Берген) рассказал об исследованиях кодекса Scheide. Два доклада были посвящены проблемам реконструкции текста коптского Библии: С. Тораллас

¹ См. два изданные в его честь юбилейных сборника: OKEANOS. Essays presented to IHOR ŠEVČENKO on His Sixtieth Birthday by His Colleagues and Students / Ed. by C. Mango, O. Pritsak // HARVARD UKRAINIAN STUDIES. Vol. VII. 1983. P. 8–26; ΧΡΥΣΟΙ ΠΥΛΑΙ – ЗЛАТАЯ ВРАТА. Essays presented to Ihor Ševčenko on His Eightieth Birthday by His Colleagues and Students / Ed. by P. Schreiner, O. Strahov // PALAEOSLAVICA. X. N 1. 2002. P. XXII–XXVI. N X/2. 2002 (на указанных страницах сборников находятся списки научных работ юбиляра за 1938–2002 гг.).